

Качество: вдохновение

ГОРОД КРЫЛАТОГО КОНЯ

Елена Дубровская

Был я в литейном заводе и видел, как серый чугунок, брошенный в печь, расплавился в ней и потом тек в отверстие огненным потоком. Если вещественный огонь делает жидким, текучим, огневидным вовсе не светлый, твердый металл, то огонь благодати Святого Духа не размягчит ли самого каменного сердца, если это сердце предается ему, как металл огню? Не сделает ли его из хладного, мрачного и нечистого теплым, светлым и чистым? Да, примеров тому мы видели много.

(Иоанн Кронштадтский)

Мы создаем наши здания, а потом они создают нас. Точно так же мы создаем свой круг друзей и наши сообщества, а затем они создают нас.

Фрэнк Ллойд Райт)

Златоуст – единственный город в мире, получивший имя в честь святителя Иоанна Златоуста. Родина русского булата и уникальной гравюры на стали, первых стальных пушек и первых ракет морского базирования, город качественной металлургии, природных парков и суровых уральцев.

Костя, когда встретил Наташу, работал на заводе Златоустовских металлоконструкций – ЗЗМК. Им понадобилась всего неделя, чтобы понять, что они хотят прожить вместе всю жизнь и иметь много добрых и мужественных детей, но детей долго не было, а мечта, чтобы в доме был детский смех, рисунки, развешанные по всему дому, разрисованные карандашами обои и мешающие игрушки под ногами, оставалась мечтой. Поэтому они сначала удочерили Катюшу и Ксюшу, а потом и Сашу. Но случилось чудо, и через десять лет у них родился сын. Все говорили: «Это Господь вам за доброту такой подарок сделал, ваш сын – дар Божий». Вот Наташа посмотрела по словарям и нашла имя, которое переводится как Божий дар или дарованный Богом. Так в большой семье Любавиных появился Феодор, а для всех просто Фёдор.

Когда Фёдору было пять лет, вся квартира была застроена городами, состоящими из кубиков, кастрюль, стульев, с участием всяких пледов, подушек и всего, до чего было можно достать и дотянуться. Катя, Ксюша и Саша, которые уже заканчивали школу, активно участвовали в строительных работах маленького Феди.

К десяти годам мальчика деревья в ближайшем парке были завешаны скворечниками разных цветов и конструкций. Яркие, красивые, похожие на дома разных народов, они привлекали не только птиц, но и местных жителей и даже туристов, которых дотошные экскурсоводы стали привозить в этот небольшой парк, чтобы демонстрировать эти удивительные дома для птиц как ещё одну местную достопримечательность.

А к пятнадцати годам во дворе дома, благодаря Фёдору, была выстроена прекрасная беседка, на которой красовалась надпись: «В стиле Райта». Никто не спрашивал у Фёдора, кто такой этот самый Райт и почему беседка в его стиле. Просто по выходным здесь собирались семьями, чтобы вместе с детьми играть в настольные игры и читать. Это был подарок всем соседским бабушкам и дедушкам, которые глядя на играющих детей и родителей умилялись и, вытирая слёзы, причитали: «Как раньше».

После девятого класса Фёдор поступил на бюджет в Южно-Уральский государственный технический колледж на сварщика и переехал в общежитие, а чтобы быть ближе к сёстрам, брату и всегда волнующимся за него родителям, каждое воскресенье он приезжал домой, в любимый Златоуст.

Учёба давалась легко, но задачу себе Фёдор поставил непростую. Он решил, что после окончания колледжа уже должен освоить специальности сварщика, арматурщика и монтажника. Чтобы не брать у родителей деньги на жизнь, он стал делать под заказ фигуры из металла. Каждый раз, приступая к новой скульптуре, он чувствовал, что металл становится живым и словно разговаривает с ним. Небольшую мастерскую ему дал папин друг, владелец строительной компании, и Фёдор с удовольствием выполнял для них нечастые заказы.

Всё в его жизни имело свой размеренный ритм и было подчинено правилам, которые Фёдор для себя выработал за время учебы в колледже. Но в один субботний, зимний вечер все правила рухнули.

Фёдор возвращался в общежитие из мастерской, где он делал для одного дачника скульптуру медведя. Руки было никак не отмыть, поэтому в маршрутке он прятал их в карманы запачканных брюк. Рядом сидела очень красивая девушка. С удивительными глазами цвета неба и огромной копной волос, выбивающихся со всех сторон белой вязаной шапки. И шубка у неё была тоже белая, и перчатки, и даже сапоги. «Как Снегурочка», – думал Федя. Около этого белого взрыва его брюки, куртка и руки казались ещё чернее, чем обычно. Поэтому он решил, что ни за что не вытащит руки из карманов.

Напротив сидела бабушка с внуком лет четырёх. По их разговору было понятно, что они приехали из маленькой деревни, и Вова, так звали мальчика, первый раз в городе. Вова громко

восхищался всем, что видел за окном, а бабушке было жутко неудобно перед пассажирами, и она его постоянно одёргивала. Вовка молчал уже минуты три, но было видно, что сил молчать больше нет. В это время они проезжали мимо Челябинского Дворца культуры, спроектированного архитектором Зайцевым и построенного в 1957 году. Вовка сделал самое положительное, как ему казалось, выражение лица и с интонацией знатока кивнул в его сторону:

– Храм.

Бабушка вытаращила на Вовку глаза, с извиняющимся выражением посмотрела на Фёдора и его соседку и тихо, но жёстко сказала:

– Вова, это не храм.

Но Вовка решил не отступать:

– Храм. Мы с мамой мимо шли, а там люди деньги на ремонт храма собирали.

– Ты можешь помолчать?

– Могу, – Вовка тяжело вздохнул, прилип к окну и на минуту задумался.

– Как думаешь, починили?

– Что? – бабушка явно сдерживала раздражение.

– Храм.

– Это не храм.

– А храм починили?

– Не знаю.

– Хорошо бы починили.

– Ты, кажется, обещал помолчать? – у бабушки внутри раздражение всё больше нагревалось. И, чтобы оно не закипело, Вовка крепко сжал губы и героически отвернулся к окну. В это время маршрутка остановилась на светофоре напротив красного кирпичного здания с большими красивыми окнами, в которых отражались огни города, и от этого весь дом казался очень нарядным и праздничным. Не в силах скрывать улыбку и чувство радостного открытия, Вовка развернулся к бабушке.

– Вот это храм!

Всё. Это был предел и для бабушки, и для её расшатанных нервов. Какой позор. Все в маршрутке уже давно не сдерживали смех. Не смеялись только два человека – парень и девушка, сидящие напротив.

– Это тоже не храм. Сколько можно, – бабушка перешла на угрожающий шепот. – Чтобы больше ни звука.

– Как же так, – расстроился Вовка, – такой красивый дом, а не храм. А где же тогда храм?

Люди вокруг уже не сдерживали смех, а просто хохотали. Бабушка больше ничего не ответила и отвернулась к окну. А Вовка заметно загрустил. Фёдор не выдержал, и повернулся к своей белоснежной соседке.

– У тебя есть лист и карандаш?

– Что? – она на секунду задумалась. – Да, есть, – кудряшки закрыли её чудесные глаза, когда она полезла в, естественно, белый рюкзак. Она, не щадя явно дорогого блокнота, вырвала из середины страницу и протянула Фёдору вместе с хорошо отточенным карандашом. Фёдор вытащил из кармана руку и смущенно всё взял. «Она, наверное, случайно в маршрутке, таких здесь не бывает. И тут я, пахнувший сваркой и с грязными руками», – рассуждал про себя Фёдор, пока рука уверенными, четкими линиями выводила сложный рисунок. Через пару минут он протянул Вовке лист с хорошо нарисованным храмом.

– Вот, держи. Это храм. И ты прав, храм – самое красивое место. Желая тебе встретить людей, похожих на храм.

Эти слова Фёдор говорил, когда маршрутка уже остановилась на его остановке, поэтому он договорил и быстро выскочил на улицу. Он не видел, какой эффект произвели его слова и на самого счастливого в мире Вовку, и на его резко подобревшую бабушку, на изумленных пассажиров, а главное на неё.

И вот тут произошло то, что бывает только в фильмах, и то в хороших, добрых и старых. Дверь маршрутного такси опять открылась, и к Фёдору из него вышла Снегурочка.

– Привет! Меня зовут Ева. Давай знакомиться, – и она, сняв белую перчатку, протянула ему свою маленькую, такую же белоснежную руку.

Ева смотрела ему в глаза, пока Фёдор смотрел на её руку и молчал, понимая, что пауза затянулась, и надо что-то сказать или уже уйти, потому что её рука сейчас совсем замёрзнет.

– Тебе неудобно? Я же уже видела твои руки. Они чёрные, но хорошо рисуют.

– Прости, но для меня твои руки слишком белые, – и он стал уходить, твердя себе под нос: – Что я делаю?! Главное не оглядывайся, не оглядывайся...

Но тут он услышал, как нежный голос крикнул ему в его уходящую спину: «Ну и дурак!»

Вся следующая неделя была посвящена слову дурак, которое Фёдор твердил, вспоминая, что упустил такую возможность. Он в свои 17 лет ни разу не влюблялся. Его сёстры с кем его только не знакомили, но сердце молчало. А тут с первого взгляда влюбиться и просто уйти! Конечно, самый настоящий дурак!

Его лучший друг по колледжу Валерка искренне переживал за друга: таким молчаливым и подавленным он его видел впервые. Валерка подрабатывал на стройке помощником бетонщика. Ещё ему платили небольшую зарплату и стипендию, которую он копил на институт. Валерка мечтал пройти весь путь от бетонщика до директора завода. Единственное, что приводило его в дикий восторг, – это скульптуры друга! После восторга он долго изучал очередное творение и с серьёзным видом знатока восклицал: «Не ржавеют две вещи: благородный металл и твои творения!»

Елизавета Александровна, социальный педагог, поймала их группу у выхода из колледжа и повела в актовый зал.

– На 8 марта школа искусств совместно с нашим колледжем подготовили концерт. Ваша группа ни на одном мероприятии с начала года не была. Никого не отпускаю.

– Елизавета Александровна, мне на работу, – Валерка сложил брови домиком.

– Я позвоню бригадиру и расскажу, что мы без тебя скучаем! Или ты не хочешь меня поздравить с праздником?

– Я же поздравлял, как ещё?!

– Своим присутствием, – улыбнулась Елизавета Александровна и, продолжая улыбаться, усадила всю их группу на первый ряд.

Сдавшись, Валерка стал разглядывать сцену, зал и печального друга.

– Федь, давай её найдём. Вряд ли в Челябинске тысяча Ев живёт. Имя редкое.

– И что будет, если найдём? Я уже один раз опозорился. Больше не хочу.

В это время начался концерт, который открыли гимном строителей. Пел высокий и очень уверенный в себе первокурсник. А потом объявили песню, подарок от лица, и на сцену вышла она. То, что Фёдор вздрогнул, когда Ева подошла к микрофону, кажется, заметил не только Валерка. Уже заиграла музыка, а они смотрели друга на друга. Фёдор сидел не просто

на первом ряду, а как раз напротив микрофона. Ева нисколько не смутилась, что пропустила начало песни. А спокойно вытащила из стойки микрофон и отошла немного в сторону, подальше от Фёдора.

– Всем здравствуйте! Мне очень приятно быть на совместном концерте Технического колледжа и нашего лицея. Поздравляю всех девочек, девушек, преподавателей женщин с праздником 8 марта и позвольте подарить вам эту песню. Можно поставить сначала?

Ева пела песню из какого-то советского фильма, и пела она так же прекрасно, как была прекрасна сама. Фёдор понял, что ему с каждой секундой становится всё хуже и реабилитироваться уже не получится точно. Поэтому под шум бурных аплодисментов он незаметно вышел из зала и, как бывало в такие минуты, отправился к себе в мастерскую.

Там, в глубине мастерской, под старым пледом, стояла его незаконченная работа – крылатый конь. Идея сделать крылатого коня пришла ему давно, когда он изучал герб своего города, а ещё когда рассматривал гравюры Ивана Бушуева и иконы, где на крылатом коне восседал Архангел Михаил. В его родном Златоусте стоял памятник крылатому коню. С самого детства маленький Федя любовался этим памятником и всем рассказывал, что когда он вырастет и станет строителем, то построит город крылатого коня. А когда у него спрашивали: «И кто же там будет жить?», – Федя не задумываясь отвечал: «Только хорошие люди. Потому что плохие не смогут на крылатом коне летать».

Фёдор вырос, идея трансформировалась, но осталась. Он старался не разговаривать об этом ни с кем, поэтому его конь был всегда закрыт от посторонних глаз. Сейчас ему надо было поработать над своим творением, он чувствовал какое-то сильное движение внутри, огонь, с которым он справлялся, только работая с металлом.

Прошло немного больше часа, как Фёдор не заметил, что в мастерской он не один. Около него стояли Валерка и Ева.

– Друг, прости! Она такая настойчивая, что пришлось показать, где ты работаешь.

Фёдор выключил сварочный аппарат и накрыл пледом коня. Что говорить, он не знал. А Валерка, бормоча, что ему надо срочно бежать на стройку или его уволят, испарился так же незаметно, как и появился.

Вспоминая их первую встречу, Ева не спешила начинать разговор. Она обошла мастерскую, рассматривая незаконченные работы, а потом только заговорила.

– Ну и почему ты так красиво рисуешь и – строитель!? Ты же в любой институт искусств поступил бы.

– Зачем? Я люблю масштаб.

– Масштаб?! И какой масштаб быть просто строителем?!

– Слушай, ты зачем сюда пришла? Понятно же, что мы разные. И... Ты не боишься здесь испачкаться?

– Почему ты всё время говоришь со мной так, словно я тупая. Смотри, – и Ева взяла в руки свои волосы, – видишь? Русые! Я даже не блондинка.

– Прости, не знал, что это так выглядит.

– Я, конечно, не понимаю в тонкостях всяких строительных...

Фёдор, наверное, впервые посмотрел в её небесные глаза. Ему было невероятно приятно видеть Еву в своей мастерской, радостно, что она стоит рядом, говорит с ним. И как глупо, что его неуверенность в себе выглядела, как надменность.

– Что тебе рассказать?

– Ну... – Ева театрально закатила глаза, словно вспоминала, что её интересует особенно, – например, чем отличаются бетонщик от сварщика.

Фёдор даже если и хотел скрыть улыбку, у него не получилось бы.

– Вот! Опять начинаешь. Просто Валера твой по дороге рассказывал, что он бетонщик, а ты сварщик.

– Хорошо, прости, давай расскажу.

Он собрался мыслями, хотя рядом с ней это было нелегко.

– Вот, представь, что дом – это человек. Каркас дома – это как кости человека. Он состоит из металлических конструкций, которые как раз собирают монтажники и сваривают сварщики. На костях есть мышцы – это как раз работа бетонщиков. Все внутренности дома, как внутренние органы человека, – это инженерные коммуникации. Ты их знаешь: водопровод, электроэнергия, канализация, тепло, газ, кондиционирование воздуха.

– Всё! Я поняла, почему ты тогда мальчику в маршрутке сказал, желаю тебе встретить человека похожего на храм. А что тогда сердце дома?

– Сам человек. Знаешь, если в нежилом доме разбить окно, то через месяц все окна будут без стекол. Проверяли. Дом не может жить без человека, как человек не может жить без сердца.

– А твоё сердце, как я понимаю там, – и она кивнула на закрытую пледом статую, – ты покажешь мне его?

– Покажу, только потом. Когда он будет готов.

– Сколько ты уже его делаешь?

– Давно.

– Он что-то для тебя значит?

– Я думаю, что строители не просто творцы зданий, а те, кто преображает этот мир. Заметь: всегда, когда делается что-то новое, добавляется слово строитель: строитель будущего, строитель коммунизма. А вообще строители с начала времен стремились к небу. Поэтому и крылатый конь. У нас в Златоусте жил Иван Бушуев, он на оружии тоже гравюры крылатого коня делал. Считаю, что я его продолжатель.

Ева смотрела на этого особенного молодого парня, который был точно лучше тех, с кем она общалась. Он выглядел очень мужественным и надёжным. Тонкие, ровные, благородные черты лица, отросшие волосы, которые вечно падали на карие, почти чёрные глаза, растянутый свитер, в котором Фёдор был больше похож на поэта, чем на строителя. В общем, ей казалось, что она влюбилась в этого работягу.

Следующую неделю они не виделись, но всё время отправляли друг другу сообщения. Еве понравились сравнения людей и домов, и она стала фотографировать здания и искать похожих на них людей. Архитектурные постройки XVIII–XIX века были сфотографированы все. Ева листала старые фотографии купцов, их жён, чтобы подобрать похожие на здания, но потом решила искать в исторических фильмах. Дело пошло быстрее.

Их телефоны были забиты фотографиями зданий, парков, беседок и всякого рода барышнями, купцами, франтами, работягами и стариками. Сообщения, которые они писали друг другу, были просто какой-то новой философской мыслью.

– Я заметила, что совсем нет зданий похожих на детей. Даже в интернете.

– Может быть потому, что готовое строение – это уже состоявшаяся личность. Есть решение, для чего оно живёт. А дети пока не знают смысл своей жизни.

– Куча людей этот смысл не знают и уверены, что они взрослые.

Через две недели Ева поняла, что всё самое интересное уже сфотографировано, и она впервые совсем по-другому посмотрела на свой дом, огромный многоквартирный «скворечник», как его называл папа.

– Не понимаю, почему сегодня строят такие дома. Они все похожи. Как людей под них подбирать.

– Если ты внимательно посмотришь по сторонам, то увидишь, что вокруг все похожи. Одинаковые куртки, сапоги, даже лица – все, как дома в спальных районах.

– Раньше даже каждая ручка на входной двери красивая была.

– Чтобы всё делать красиво нужна всего одна вещь.

– Какая?

– Любить то, что ты делаешь.

Каждый раз, отправляя фотографии, Ева ждала, что он пригласит её куда-нибудь сходить. Сама она уже сто раз пригласила его в кафе, театр, кино, мастер класс по живописи, лекцию по искусству и даже кулинарное шоу. Но, написав, всегда стирала, так ничего и не отправив. Но вот появился прекрасный повод. Через две недели их с родителями пригласили на благотворительный вечер, на котором сначала проходит аукцион, а потом бал. Еву три года подряд приглашали дети папиных и маминых знакомых, избалованные, инфантильные сынки. В этом году она придёт с настоящим парнем. Она написала о вечере Фёдору, прикрепив приглашение. Ответ был коротким: «Хорошо». Ева ликовала!

В субботу Фёдор пошёл с Валеркой в юридическую фирму оформлять наследство. Счастливому Валерке исполнилось восемнадцать, и он вступал во владение небольшим домом, который ему после смерти оставил двоюродный дедушка.

Всю дорогу счастливый Валерка, размахивая руками и подпрыгивая от радости, рассказывал другу, как они этот дом реконструируют.

– Ты только из общаги туда сразу переезжай. Я из армии прихожу, и мы тебе там отдельный флигель-мастерскую строим. Вообще можно бизнес открыть по художественной сварке и фигуры всякие из гипса лить.

– Не придумывай. У меня сейчас все мысли, где бы 10 тысяч на один инвертор найти,

Фёдор не договорил, потому что за дверью, на которой висела табличка генеральный директор, он отчетливо услышал голос Евы.

– Папа! Ты не можешь так говорить, ты его не знаешь. Кто вообще решил, что на этот вечер нужно приходить только с сыном банкира или олигарха, а если я на благотворительный бал придут со строителем, то что? Чьи чувства я оскорблю?

– Можно прийти и со строителем. Кто он? Сварщик? Не подумала, как он будет себя там чувствовать? Ну, положим, фрак возьмет в аренду, а беседы, манеры... Их в аренду не возьмешь. Уверена, что парень будет себя там чувствовать в своей тарелке.

– Он умный и талантливый, он идейный!

– Идейный?! Сегодня идейных каждый второй, только вот идей мало.

– И что делать? Я уже его пригласила.

– Напиши, что бал отменили.

– Хорошо. Может ты и прав.

Ева достала телефон, и написала: «Привет. Бал отменили, так что не придётся тратить деньги на аренду костюма».

В это время к ним почти бежал молодой человек в синем костюме и красном галстуке. Пробормотав «простите», предполагая, что ребята ждут приглашения, и забежал в дверь, оставив её приоткрытой.

– Юрий Степанович! Архив затапливает! Прорвало батарею, сейчас все бумаги потеряем.

– Срочно звоните в аварийку и соберите всех, надо выносить документы.

– В аварийку позвонил, едут, но думаю, что уже поздно будет. А звать некого. Рабочий день закончился, все ушли.

– Вон ребят попроси помочь, – и папа Евы кивнул на Фёдора с Валеркой, который стояли в проеме двери и смотрели на происходящее в кабинете.

Ева увидела Фёдора, который читал её сообщение, а по его ничего не выражающему лицу было легко понять, что он слышал её разговор с папой.

– Ребята, поможете?

Молодой сотрудник вернулся в кабинет буквально через десять минут.

– Юрий Степанович, мальчишки оказались строителями, воду перекрыли, стеллаж подвинули, аварийка на подъезде.

– Хорошо. Спасибо им. А где они?

– А ушли сразу.

Ева отрешённо посмотрела на папу.

– Это был Фёдор. И он всё слышал.

– Так бывает.

– Так не должно быть.

Повисло молчание. Ева подошла к окну, за которым белый город с самым серьёзным видом ожидал прихода весны. Она смотрела на огни города, на дома, проглядывающие сквозь свет фонарей, и почувствовала, что совсем по-другому стала смотреть на то, что её окружает. Она вдруг с невероятной ясностью увидела, что всё вокруг – это результат труда человека. И всё, что прекрасно, – это результат труда, сделанного с любовью. Она повернулась к отцу:

– Пап, ты никогда не думал, что природа на Земле так прекрасна, потому что её Бог с любовью делал.

– Дочь, позвони ему, пригласи. Поговорим, познакомимся.

– Нет, папа. Ты его не знаешь. Он настоящий. И для того, чтобы он захотел со мной общаться, мне тоже надо стать настоящей.

Ева заболела. В лицей не ходила уже неделю. Она лежала и пересматривала фильмы о строителях. Фильм «Высота» с Рыбниковым она посмотрела два раза. Пасечник очень напоминал ей Фёдора. Такой же искренний, открытый и так же любит своё дело.

Мама и папа застали дочь, когда она третий раз пересматривала сцены из фильма:

«Ну что зонтик, у меня для вас другие дары есть» – «Это какие же?» – «Вечер, например, вот этот могу подарить. Речку бурную. Сеть особую, чтобы звёзды ловить. А заря взойдёт – тоже ваша будет» – «Чудной какой» – «Я не чудной, я заколдованный»

Мама подошла и выключила телевизор.

– Так, хватит ныть. Температуры уже нет, насморка тоже. Завтра в школу. И давай, приводи себя в порядок. Если Фёдор такой, как ты рассказываешь, то вряд ли ему понравится ревущая у телевизора девочка.

– Мам, так во всех мелодрамах бывает. Она плачет у телевизора и ест пиццу, а потом он приходит, или она идёт к нему – и всё! Хеппи-энд...

– Ну, судя по всему, твой принц сам не придёт.

– Конечно, не придёт, он же слышал, что я буржуйка и сноб.

Мама, улыбаясь, прижала к себе дочь!

– Как же это чудесно, когда дочь влюблена в хорошего человека, да ещё и строителя.

Ева написала Валерке сообщение с раскаянием и спросила, как найти Фёдора, потому что он не отвечает на сообщения. Валера ответил, что они всю неделю будут работать на стройке, потому что сдача объекта и людей не хватает.

На следующий день Ева нарядилась в джинсы, черный пуховик, в общем так, чтобы не привлекать к себе внимание на стройке и не бояться испачкаться.

Она ехала с каким-то ощущением подъема. В голове сидели фразы, которые она продумала за дни лежания дома. «Прости меня, теперь я поняла, что была полной дурой. Все парни, которых я знаю, пытаются кем-то казаться. Они слишком манерные и пыжаты, чтобы выглядеть уважаемыми и независимыми. А ты не такой... Значит умешь быть снисходительным». Ева где-то в глубине души всё равно верила, что она необыкновенно красива и умна, и вряд ли Фёдор, когда её увидит, устоит.

Но, попав на стройку, она растерялась. Во-первых, она не знала куда идти, к кому обращаться. Она видела строителей, их лица напряжены, они все работали, и вряд ли её слова были уместны здесь. К ней подошёл пожилой мужчина в спецовке и строительной каске на голове.

– Ты как сюда попала? Срочно на выход! Неужели не понимаешь, что здесь опасно!

Ева совсем растерялась.

– Простите, пожалуйста. Я ищу Фёдора Любавина. Мне очень нужно с ним поговорить.

– Вот он через два часа закончит и поговорите. А здесь ходить небезопасно. Пойдём, я тебя к выходу провожу.

И он снял с себя каску и водрузил её на голову Евы. Они шли к выходу, а Ева, которая была первый раз на стройплощадке, не могла оторвать глаз от всего, что происходит вокруг: здание рождалось, как произведение искусства.

– У вас тут здорово!

– Здорово! Только ты нашего Федю не обижай.

– А с чего вы решили, что я его обижаю, может, наоборот.

– Ага! В любой профессии главное, чтобы хороший профессионал был ещё и хорошим человеком. Вот редкость большая. А Федька такой! Таких охранять надо...

– От таких как я? Вы это хотели сказать?

– Ничего я не хотел. Вон выход.

Ева отдала каску и вышла со стройки.

На благотворительном аукционе было всё, как обычно: сначала по программе аукцион, а потом фуршет и концерт какой-нибудь звезды. В прошлом году – это была оперная дива, а в позапрошлом – приезжала прима-балерина из Санкт-Петербурга. Все пришли в вечерних нарядах и были изыскано-вежливы с приклеенными улыбками, во всяком случае так казалось Еве, которая пришла с родителями. Она настояла, что в этом году она уж как-нибудь обойдётся без кавалера. В этот раз аукцион проводился в помощь детскому дому Челябинской области. Проводил его какой-то известный артист. Ева его видела часто по телевизору, но фамилию не знала. Уже прошло три лота. Это была картина знаменитого на весь мир местного художника, наручные часы BMW и какая-то редкая монета.

Но вот ведущий объявил, что сейчас будет несколько лотов, сделанных мастерами нашего края специально для помощи детскому дому.

– Дамы и господа, представляю вашему вниманию лот номер 4. Стальная статуя работы Фёдора Любавина «Крылатый конь». Сюда пришла сестра Фёдора – Ксения Любавина.

Из зала вышла миниатюрная женщина лет тридцати, совершенно не похожая на Фёдора.

– Добрый день! Нам, нашей семье, невероятно повезло, что помощь будет оказана именно детскому дому из города Златоуст. Меня с сестрой и братом усыновила семья Любавиных именно из этого детского дома. Фёдор родился только через десять лет, но все сразу поняли, что родился удивительный мальчик, который умеет мечтать. Он с самого детства мечтал построить самый прекрасный город в мире и назвать его Город крылатого коня. Фёдор сейчас учится на строителя, потому что не оставил свою мечту. Спасибо!

Она села на своё место, а Ева умоляюще смотрела на папу с мамой. Её глаза расширились с каждой секундой, потому что слёзы совсем не хотели держаться. И когда она почувствовала, что они потекли по щекам даже не ручьями, а какими-то горными реками, Ева незаметно вышла из зала.

Когда она вернулась, аукцион закончился, все были в фуршетном зале. Ева глазами нашла родителей и стала пробираться к ним. Около папы с мамой стояла сестра Фёдора. Папа держал в руках Крылатого коня.

– Ксения, познакомьтесь, моя дочь Ева. Она знакома с Фёдором и говорила, что этот Крылатый конь очень дорог ему и вашей семье. Поэтому примите теперь от нашей семьи этот подарок.

– Простите, но как я могу принять. Вы за него заплатили такие деньги.

– Очень просто. Считайте, что мы просто помогли детскому дому. А этот конь пусть останется в вашей семье.

Ева больше не могла сдерживать чувств и бросилась на шею своих родителей.

– Папочка, мамочка! Как же я вас люблю! Спасибо огромное!

И тут она услышала такой знакомый голос Фёдора:

– Простите, я могу пригласить вашу дочь на танец?

Она стоял в чёрном костюме, который ему невероятно шёл. Такого Фёдора Ева ещё не видела.

Они танцевали вальс. Танцевали так, как танцуют люди, которым может быть суждено пройти вместе большой путь.

– Я пересмотрела все фильмы про строителей, и перечитала про сварку всё, что могла.

– А я изучал этикет и учился танцевать вальс.

– У тебя прекрасно получается, правда.

– Это всё потому, что у меня самая прекрасная партнерша.

Этим двоим предстояло так много – строить свою жизнь, строить будущее.